

Александр ДОРОШЕНКО

День Победы

Этот день пропитан кровью наших отцов и слезами матерей. И сегодня, когда они нас покинули, и те, кто еще остался, не слышно уходят, он приобрел отсвет радостной близости, теплого чувства памяти, и стал нам Родительским днем. Он таким был и раньше, когда они были живы, но тогда было много музыки, маршей победных, цветов, и их было много с нами, улицы были в этот день заполнены ветеранами в старых бережно хранимых мундирах, в медалях и орденах...

Отец любил вспоминать войну. Странно, эти воспоминания у них, вернувшихся с той страшной войны, вернувшихся не искалеченными (или искалеченными не очень, как отец, сильно хромавший всю жизнь в память обороны Севастополя), были любимыми, возможно, лучшими из всего пережитого в жизни. Это говорит и о всей их жизни, какой она была. Но не только. Ведь были и предвоенные годы, учеба в институте, множество друзей, притом на всю жизнь, я это знаю, я видел друзей отца и матери, как они до самых последних времен любили и помнили друг друга. Встретившись, всегда вспоминали войну и не вернувшихся с нее, а было их, не вернувшихся, много больше уцелевших:

"...Скажите там... чтоб больше не будили. Пускай ничто не потревожит сны. Что из того, что мы не победили? Что из того, что не вернулись мы?"

Иосиф Бродский

Это одно из лучших стихотворений о прошедшей войне, и цитирую я его по памяти (помню еще по самиздату). Отец считал лучшей, наиболее честной книгой о прошедшей войне "В окопах Сталинграда" Виктора Некрасова. При всех ужасах этой страшной войны (и ужасах "национальных",

когда после знаменитого приказа Сталина "Ни шагу назад!" в спину нашим передовым частям торчали пулеметы СМЕРШа, о чем мне, подростку, как-то рассказал отец; он рассказывал о трибуналах и расстрелах дезертиров, расстрелах на месте, как однажды расстреляли солдата, азербайджанца, не говорившего и не понимавшего по-русски, попавшего из какого-то горного пастбища прямо в эту мясорубку, потерявшего реальность представлений о мире, растерявшегося и случайно отставшего, — отцу не удалось отстоять своего солдата), там было что-то еще. Радость победы, справедливость этой войны, сплотивший народ.

Что знает солдат о войне?

Отец был лейтенантом и командовал ротой морских пехотинцев. Он запомнил окопы и смерть. А впереди окопов полоса ничейной земли и окопы немцев. Он запомнил высокую организованность и дисциплину у немцев (даже в плену немецкий солдат вытягивался перед своим пленным офицером), и умение воевать. Его разведчики доверяли только немецким картам и старались их достать — по ним было удобно и безопасно возвращаться к своим. Именно в свой полк, где тебя знали, — выход в наше, но чужое, рядом расположенное подразделение, мог означать попросту смерть. Такова была всеобщая подозрительность и неразбериха, когда проще было расстрелять человека как возможного лазутчика, чем долго и порой непросто выяснять, кто он и откуда (по той же причине после победы возвращающиеся из плена наши солдаты, а в плен попали миллионы в первых годах войны, прямоком отправлялись уже в родные концлагеря).

Он запомнил храбрость наших ребят, как его моряки перед атакой снимали каски и надевали бескозырки. Как они его, ранен-

ного шрапнелью, вынесли под огнем ("выползли", положив на шинель и ползком оттащив к своим окопам). Как вывезли его морем из Севастополя и он, лежа на открытой палубе маленькой посудины, видел качающееся небо, и в нем, а также вокруг косяками непрерывные разрывы снарядов. Пережитое чувство военного братства, гордое чувство победителя сопутствовало ему всю жизнь. У него была своя, самая страшная в истории человечества война, и он вернулся с нее победителем!

(Так устроен мир, где у каждого своя война. Вернулись ли мы со своей? С нашей невидимой, тихой братоубийственной войны. Где наши победы и ордена? Да и закончилась ли эта война? Разве огонь ее не разгорается все больше? Нам еще долго жить, если хотим вернуться. И будет ли куда?)

...Их осталось всего ничего, солдат этой страшной войны. Какие там солдаты — старые, сгорбленные, хромящие и перекошенные. В старых пиджаках, пахнущих нафталином. Какое странное сочетание старости и нищеты — и героических отличий — орденов и медалей, во всю когда-то широкую грудь...

Ковыляет по улице, звенят медали, идут равнодушные прохожие мимо, смеются юнцы. Но этот звон — он опасен, если его перестать слышать! Это белокрылый архангел, архистратиг небесного воинства идет нашими неровным и заплыванным асфальтом, и в руке его огненный меч, а во второй колокол судьбы (но опасно тихо и мелодично звенит этот колокол до урочного дня), и он всех замечает и все замечает. В записях Книги живых и мертвых имена наши, имена переставших различать и видеть, и слышать, напишутся на правой стороне этой вечной Книги, в разделе никогда не живших!

...В "Белой гвардии" есть небесное видение лежащему в бредовом тифе Алексею Тур-

бину, как родной его эскадрон белградских гусар, скошенный пулеметным огнем в 1916 году на Виленском направлении, въезжает конно и почти в полном составе в Рай ("с саблями и пиками... по верхам..."), а там встречает их св. апостол Петр с ключами. И оказалось, что уже приготовлены для них в Раю палаты, белые и праздничные. И с изумлением слышит от св. Петра вахмистр Жилин, идущий впереди эскадрона, что есть рядом еще и красного цвета палаты, с красными звездами и облаками... "для большевиков, с Перекопу которые" (потому как, говорит вахмистру Бог, "все вы у Меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные. Это, Жилин, понимать надо, и не всякий это поймет").

Не всякий это и теперь понимает!

Но даже и с бабами полковыми принимает их Петр, которые были с ребятами в жизни и вместе приняли смерть, потому что эскадрону в походе без баб невозможно. "Пожалте, говорит, справа по три:

...Дунька, Дунька, Дунька я!
Дуня, ягодка моя, —

зашумел вдруг, как во сне, хор железных галосов, и заиграла итальянская гармоника. "Под ноги!" — закричали на разные голоса взводные.

Й-эх, Дуня, Дуня, Дуня, Дуня!
Полюби, Дуня, меня, —

И замер хор вдаль".

Я верю этому сну — там такие палаты есть, там наши родители вновь красивые и молодые, как когда-то в моем детстве, они там с друзьями, и им хорошо вместе...

С ними и те, кто не дошел до Победы, но и они теперь о ней знают...

Они заслужили, так сказал вахмистру св. Петр.

Пока мы живы, кто еще помнит и понимает, — в этот день надо обязательно поднимать рюмку. За них, победивших и вернувшихся. За тех, кто там остался лежать и о Победе нашей не знает. За наших отцов и матерей... За Победу!

Михаил ЛАНДЕР

О друзьях-товарищах

О друзьях-товарищах,
о войне в пожарницах,
где-нибудь, когда-нибудь,
мы будем говорить...

Наверное, товарищами обзаводиться намного легче, чем друзьями. Таких друзей, роднее братьев, было у меня трое. С Гришей и Николаем я познакомился в годы войны, а с Эрленом после войны. Удивительное совпадение: все трое по отчеству — Павловичи. Кстати, Эрлен никогда не был знаком с первыми двумя, так как жил в Москве. Наверное, трудно распознать грань, когда знакомство переходит в дружбу, в привязанность, ибо наше знакомство было скоротечным.

В сырой декабрьский день 1941 года наш тральщик стоял у одного из разбитых причалов Чужинской косы у Темрюка и готовился к десантной операции в Керчи. Время обеденное, но боевые расчеты на местах. Свободные от вахты идут на перекур в "деревню трепаловку" — место на корме для курения. На берегу мимо нас идет солдат с катушкой провода на спине, в шинели с подоткнутым под пояс подолом и в одном сапоге. "Покурить не дадите?" — спросил он, сбрасывая с мокрой спины катушку. "Дадим", — сказал я, прыгнув с причала на берег. "Может, откушаешь?" — спросили матросы. — "Время обеденное". "С удовольствием, но нет времени, связь тащущу". "Давай котелок!" — крикнул кто-то с кормы и побежал на камбуз. "А сапог где?" — спросил боцман. "Да в трясине остался, сам еле выбрался, а напарника убило", — ответил солдат. С камбуза принесли полный котелок и борщевую банку с флотским борщом. Боцман принес пару яловых сапог, новые портянки и пару пачек папирос. "Спасибо, братцы", — сказал солдат, взваливая на спину катушку. "Откуда

идешь?" — спросил я. "Из Одессы". — "А куда толкаешь?" — "В Одессу". Так ответить мог только настоящий одессит. "Гриша с Воронцовского переулка", — представился он. "А я Мишка-одессит с Еврейской", — и мы пожали друг другу руки. "Может, еще свидимся", — сказал он и махнул всем рукой.

Ну, кто мог предположить, что я с ним встречу в 1946 году, и будем соседями?

Николая мы подобрали в море вместе с другими полуживыми шестью моряками. Уже немцы заняли Севастополь, и остатки частей армии и флота собрались в Камышовую бухту, откуда под покровом ночи их забирали катера и рыбацкие лодки. Почти все погибли, немецкие самолеты на бреющем полете в упор расстреливали беззащитных людей. Лишь счастливицы добрались до кавказского берега или были подобраны нашими кораблями, в их числе и тяжело раненый Николай. Подобрали мы их на рассвете февральского утра тяжелого сорок второго года далеко в море, примерно тридцать миль от Анапы. Сигнальщики разглядели среди волн полузатопленный рыбацкий баркас без признаков жизни. На борт подняли семерых моряков — двое мертвых, пятеро еле живых. Доктор с добровольцами начал оказывать медицинскую помощь — надо было раздеть и растереть окоченевших людей. Спасли только троих. Двое умерли, не приходя в сознание. Командир корабля Адольф Исаакович Ратнер приказал открыть у мертвых нашейные медалы и записать фамилии в судовой журнал. На мою койку положили Николая. У него было рваное осколочное ранение живота. Вместо анестезии ему влили стакан чуть разбавленного спирта, и два здоровых матроса держали его за руки и ноги, пока доктор копался в его кишках.

...Мы зашли в палату попо-

раться. Двое спали, Коля бодрствовал. Побритый и стриженный, он оказался молодым красивым парнем. "Спасибо за тельняшку", — сказал он мне. "Откуда сам?" — спросил он. Я ответил. "А я с Костецкой, меня там все знают. Будет время — заходи", — улыбнулся он. И я зашел... только в 1947 году.

С Эрленом у меня была дружба, завязанная "на крови".

Коля Дрогин родился в деревне Александровка Одесской области. Когда ему было три года, а старшему брату пять, в деревню пришла банда большевиков с отрядом продразверстки и начала грабег крестьян. Отобрали приготовленную на зиму картошку, муку и стали выводить из хлева единственную корову. Мать с виллами бросилась на грабителей, и ее застрелили, а заодно и Колиного отца с пятилетним сыном. Колю приютил, воспитал и дал ему свою фамилию родной брат отца Павел. Эта гибель родителей настолько врезалась в детскую память, что Николай всю жизнь ненавидел советскую власть.

Перед войной умирает дядя Павел, и Николая перебирается в Одессу учиться в морской техникуме. За год до войны Колю забирают на флот, он оканчивает Севастопольский учебный отряд и направляется командиром на подводную лодку М-60.

Началась война. Лодка выполняет боевые задания. В один из рейсов Николая оставили на берегу как делегата на общеплотское комсомольское собрание. Лодка с задания не вернулась, и Колю направили в отряд морской пехоты.

Встретились мы случайно — сначала с Гришей. Я ухаживал за своей будущей женой, которая жила с родителями в Воронцовском переулке, и однажды на веранде, куда выходили все двери жильцов, я столкнулся с Гришей. Мы долго смотрели друг на друга, пока он не произнес магические слова "Чужинская коса". Встреча

закончилась грандиозной пьянкой всех обитателей веранды.

У Гриши был мотоцикл с коляской. Однажды мы поехали по предложенному адресу на Костецкую улицу. Дверь открыл человек в тельняшке, и мы узнали друг друга без труда. Конечно, в маленьком дворике Коля организовал праздник, и до утра мы уже не уехали. При помощи Коли я снял в городе комнату. Мы троим очень дружили, подружился и наши жены. Позднее Николай, имея вес члена бюро и звание Героя, организовал кооперативный дом — первый в Одессе в центре города. Я в то время находился далеко за границей, и Коля выложил за меня приличную сумму денег на паевую взнос. Туда же перетянули Гришу, и хотя ему это было не по карману, а Коля выложили деньги за него, а он потихоньку выплавлял нам. Претендентов на дом было много. Колю таскали по разным инстанциям, но он лично отбирал кандидатов по принципу: прежде чем строить дом — подбери соседей. И это потом себя оправдало.

Через несколько лет Коля сошел на берег, возглавив ремонтную бригаду. Наш дом назвали "дворянское гнездо". В 1951 году под Одессой в районе Большого Фонтана обнаружили "Колину" подлодку М-60 с экипажем в 21 человек. Хоронили их почему-то ночью. Николай был при опознании и принес на память сувенир — чайник, из которого когда-то пил. Стало традицией пить чай из этого трехлитрового флотского чайника.

Когда Горбачев отменил знаменитую шестую статью Конституции СССР — помните? — руководящая и направляющая роль партии, — Коля закатил банкет с фейерверком. А когда Украина стала "самостийной", Николая пригласили в городскую думу, в отдел морского транспорта. Всегда суровый и немногословный, Николай помолодел на гла-

зах. Но годы брали свое, стало пошаливать сердце. Коля большую часть времени стал проводить на даче, на воздухе, редко приезжая домой, в город, на старенькой "Волге".

Дважды я посещал родной город, и мы неизменно виделись с Николаем. Купив кое-какие припасы, мы с Гришей приезжали к нему на дачу на несколько дней, и Коля выставлял на стол выращенную им зелень и соленья, которые по вкусу, кроме Одессы, нигде не сыщешь. Последний раз я попрощался с Колей, предчувствуя, что наша встреча — последняя. Я никогда не видел его плачущим, а тут он не сдержался. Не сдержались и мы.

Случилось это осенью 2003 года. Однажды Колина "Волга" не завелась, и он решил трамваем поехать домой. От трамвайной остановки до нашего дома — пара кварталов. Уже вечерело. Николай добрался до дома, сел у входа на ступеньку отдохнуть... и больше не поднялся. Его обнаружили, думая, что он спит, прислонившись к стене. Обо всем этом я узнал от Гриши. Хоронили Николая Павловича всего несколько человек — жена Ирина с внуком Николаем, Гриша с женой и коммандантский взвод, отсалютовавший над могилой. Так ушел из жизни один из моей троицы, а мы с Гришей, держась за руки, пытаемся эту брешь затянуть. Как долго? Только Всевышний знает.

Апрель 2005

Пока готовился этот очерк к печати, пришла печальная весть — ушел из жизни Григорий Павлович Пилиавский, преданный друг, беспартийный коммунист, "карьерский идеалист" и стойкий приверженец советского строя, полный кавалер ордена Славы, всех трех степеней. Несмотря на различие взглядов в нашей троице, спорах о ценностях жизни, несогласие во многих вопросах, мы ни разу не ссорились и не обижались друг на друга. Дружба наша, выверенная годами, была настоящей и по-мужски преданной. Только все-таки сильная смерть смогла разорвать ее. Теперь я осиротел. Вечная память моим незабываемым боевым друзьям.